

© 1996 г.

Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ НОВОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

РЫБАКОВСКИЙ Леонид Леонидович — доктор экономических наук, руководитель Центра демографии Института социально-политических исследований РАН.

Межгосударственные миграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, имеют глубокие исторические корни. Многовековое формирование и расширение границ российского государства привело к коренным сдвигам в расселении его народов, прежде всего русского, по территории единой страны. К началу XX века за пределами России в ее нынешних границах проживало 2-2,5 млн., а в конце 50-х годов - уже 16,3 млн. русских.

Сложившийся во второй половине столетия нормальный миграционный обмен между регионами (союзными республиками), конституированными в рамках союзного государства, изменил расселение одних народов среди других, привел к сдвигам в территориальном размещении населения. Вся послевоенная статистика механического движения населения свидетельствует о разнонаправленном влиянии миграционной составляющей на демографическую динамику России и других союзных республик, на изменение этнических структур их населения. По данным последней Всесоюзной переписи населения на территории бывших союзных республик проживало 25,3 млн. русских. За время, прошедшее с 1959 по 1989 гг., численность русских возросла на 9 млн. человек (хотя в Закавказье и Центральной Азии их доля уменьшилась, причем в Азербайджане в 2,4 раза и в Армении - в 2 раза).

В 90-е годы радикально изменился характер миграционного обмена населением между Россией и суверенными государствами, образовавшими новое зарубежье. Социально-политические изменения в этих странах, не опирающиеся на ожидаемый быстрый подъем экономики и рост благосостояния, всплеск национализма, притом не только в бытовой сфере, возведение до уровня государственной политики обид на Россию при той же забывчивости ее роли в сохранении и создании условий для консолидации народов, приобретших собственную государственность - все это создало питательную среду для нарушения прав нетитульного населения, его «выдавливания» на историческую родину. В наихудшем положении оказались русские, идентифицируемые в странах нового зарубежья с советским народом.

За период 1989-1995 гг., т.е. после последней переписи населения, общий миграционный оборот населения между Россией и странами нового зарубежья достиг 10 млн. человек, а положительное сальдо миграции за это время составило для России 2,8 млн. Если к мигрантам прибавить также беженцев из нового зарубежья, то окажется, что

население России за 7 лет увеличилось почти на 3,7 млн. человек. Масштабы прибытия русских в Россию из нового зарубежья в 1989-1995 гг. заметно возросли при трехкратном уменьшении масштабов их выбытия в эти страны.

Хотя предпосылки выдавливания русских из ряда регионов СССР были сформированы еще до фактического развала, тем не менее лишь в 90-е годы выезд русских из нового зарубежья, в первую очередь - из стран Закавказья и Центральной Азии, приобрел характер «исхода», т.е. массового бегства [1].

Оценка миграционного потенциала населения, проживающего в странах нового зарубежья, с точки зрения возможностей его переселения в Россию - это отнюдь не счетно-методическая операция, а методологическая задача, решение которой упирается в выбор определенной политической парадигмы. Теоретически крайними границами миграционного потенциала населения, проживающего вне России на постсоветском пространстве, являются, с одной стороны, ноль, с другой, - общая численность всего населения стран нового зарубежья. В самом деле, при заданной изначально прозрачности границ в Россию в настоящее время мигрируют эстонцы и узбеки, украинцы и армяне, татары и русские, немцы и евреи и еще многие и многие другие представители национальностей бывшего СССР. Именно поэтому первый вопрос, который возникает при оценке миграционного потенциала: все ли народы бывшего Советского Союза должны браться в расчет в качестве потенциальных и одновременно желательных для России мигрантов. При разрешении данного вопроса выявляются разные подходы.

По мнению одного из наиболее крупных и авторитетных специалистов в области миграции населения Ж.А. Зайончковской, Россия должна сохраниться как общее прибежище для всех народов бывшего СССР, как бы трудно ей это ни было. Она считает, что уход пришлого населения не решит проблем перенаселения в ряде стран нового зарубежья, поэтому рано или поздно начнется исход из этих стран и представителей их коренных этносов. Далее она пишет, что «...Россия пока не слишком гостеприимная страна. России еще предстоит осознать, что проблемы Средней Азии и Кавказа - это и ее проблемы» [2, с. 26-27].

Другая точка зрения принадлежит известному демографу А.Г. Вишневному, считающему, что «...российская диаспора в "ближнем зарубежье" насчитывает примерно 37-38 миллионов человек.» В ее состав он включает этнических русских; нерусское, но русскоязычное население и представителей коренных нерусских народов России, считающих родным язык своей национальности. Оговорившись, что в подобном определении есть немало условного, он добавляет, что ядро «российской диаспоры составляют русские и русскоязычное население» [3, с. 24-25].

Наиболее широко распространены, особенно среди политиков и журналистов, иные взгляды, предполагающие включение в величину миграционного потенциала населения, проживающего в новом зарубежье, либо всех представителей титульных национальностей России вне зависимости от того, русскоязычные они или нет, либо только русских, хотя известно, что часть их (очень незначительная - от 0,1 до 0,2%) не считает русский родным языком. По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. за пределами России (то есть в бывших союзных республиках) проживало 25,3 млн. русских и около 3 млн. представителей титульных национальностей России. Следовательно, величина миграционного потенциала при любой из названных постановок вопроса составляет (приблизленно) 25 или 28 млн. человек.

Нельзя не видеть, что в основе всех перечисленных подходов к определению величины миграционного потенциала лежит либо этнический признак в чистом виде, либо он же в комбинации с языковым. В противовес им может быть предложен иной критерий оценки, когда в качестве базового признака включения различных народов, проживающих в новом зарубежье, в миграционный потенциал принимается генезис

различных частей населения России. В зависимости от этого признака все оно может быть разделено на четыре группы.

Собственно русские - потомки древнерусской народности, с которыми за их более чем тысячелетнюю историю активно взаимодействовали и ассимилировались как многие народы, населявшие теперешние пространства России, так и те народы, которые различными путями (в том числе и не мирными) проникли на эту территорию.

Коренные народы, проживающие на тех территориях, которые в разное время и различными способами (добровольно или путем завоевания) вошли в состав российского государства и стали, наряду с этническими русскими, титульными народами общей для них страны.

Народы, являющиеся представителями титульных национальностей стран нового зарубежья, которые еще 5 лет назад вместе с народами России были гражданами единого государства - СССР. Среди тех из них, кто проживает за пределами России (по данным переписи 1989 г. их было свыше 105 млн. человек), примерно 10% считает родным языком русский [4, с. 4—5].

Народы, в то или иное время оказавшиеся в силу различных причин на территории России и интегрировавшиеся в ее население. Одни из них ранее были подданными Российской Империи (например, поляки), другие еще во времена Петра I и Екатерины II были приглашены на жительство и уравниены в правах с коренными гражданами страны (немцы, чехи), третьи (французы) оказались в России в качестве пленных и растворились в ее населении, четвертые остались в России, отказавшись от возвращения в свои государства после территориальных изменений (японцы и, частично, корейцы) и т.д. У всех этих народов разная судьба, но есть и то, что их объединяет - наличие исторической родины, государств, для которых они сами являются титульными национальностями. Часть людей, объединенных в эту группу, после развала СССР оказалась в России, другая часть - в странах нового зарубежья.

Предлагаемая стратификация по генетическому признаку позволяет подойти к проблеме оценки миграционного потенциала населения, проживающего в странах нового зарубежья, с двух точек зрения. С одной стороны, она дает возможность выявить ту часть миграционного потенциала, который приходится на соотечественников, имеющих бесспорное право на российское гражданство и соответствующую помощь по облегчению переселения на историческую родину. С другой стороны, она позволяет выработать адекватную российским интересам политику в отношении всех, желающих вселиться в Россию, вне зависимости от их настоящего гражданства, национальности, знания русского языка, исторического генезиса и т.д.

Ясно, что в первом случае речь идет о представителях всех титульных национальностей России и, в силу их многочисленности, главным образом - о русских, проживающих в новом зарубежье. Во втором же случае подразумеваются все, кто желал бы сменить место жительства. Каково должно быть отношение к ним со стороны России, зависит всецело от принятой государственной политической доктрины, определяющей понимание ее внутренних и внешних интересов. В частности, необходимо осознать: что более выгодно для России - стимулировать заселение ее обширных и полупустынных территорий титульными народами или допустить свободное вселение народов других государств, в том числе и из стран старого зарубежья вне зависимости от их местоположения и геополитических интересов.

Решить эту сложную доктринальную проблему можно двумя путями. Первый ориентирован на представителей титульных национальностей страны, для которых должны быть открыты все «шлюзы», то есть сняты все ограничения в смене гражданства и получении статуса российского подданного, предоставлены необходимые условия для переезда в Россию, а также все льготы по обустройству, гарантии по сохранению недвижимости, капитала и т.п., либо право на полноценную компенсацию возникающих материальных потерь. Именно на это должны быть нацелены соответ-

ствующие статьи двусторонних и многосторонних договоров России со странами нового зарубежья.

Второй путь затрагивает интересы желающего мигрировать в Россию остального населения бывшего СССР. Очевидно, что экс-советским гражданам при переселении следует создать более выгодные, в сравнении с гражданами стран старого зарубежья, условия. В то же время не менее очевидно, что их въезд в Россию на постоянное жительство (то есть оформление гражданства) должен быть регламентирован в соответствии с реальными интересами принимающей стороны. Здесь возможно прямое квотирование объемов въезда, в том числе в зависимости от возраста, образования, профессии, знания русского языка, наличия средств в некотором установленном объеме, прямых родственных связей, и т.п., как это делается в большинстве стран, испытывающих сильное иммиграционное давление и считающих необходимым его ослабить. В качестве примеров можно привести существующие нормативные акты Австралии, требующие обязательного знания иммигрантами английского языка; США, стремящихся принимать только тех, кто имеет в стране родственников, способных содержать иммигрантов; Израиля, где вероятность получения гражданства во многом детерминирована этническим происхождением и т.п. Не является секретом и жесткий отбор иммигрантов по профессионально-квалификационным признакам в перечисленных и других странах вне зависимости от всех остальных условий.

Преградами для принятия подобных норм миграционного законодательства в России, на наш взгляд, служат два обстоятельства. Первое - это, конечно же, чрезмерная боязнь быть обвиненной в нарушении прав человека, в том числе и на свободный выбор места жительства. Приведенные примеры убедительно иллюстрируют то, как конкретные интересы вполне демократических по мировым стандартам стран заставляют их действовать вопреки декларированным международным нормам. Дело в том, что ключевым моментом в принятии любого политического решения для любого правительства любой из этих стран является не норма международного права и не права потенциальных иммигрантов, а экономические и социальные интересы граждан своих стран, то есть налогоплательщиков и избирателей, заинтересованных в первую очередь в соблюдении собственных прав. Вынуждая Россию слепо следовать нормам международного права в отношении мигрантов, мировое сообщество пытается обустроить в России мировую ночлежку, в которой будут ждать лучших времен те, кто хотел бы жить в Германии и Дании, Голландии и Франции, Великобритании и Швеции. По силам ли разоренной стране выполнение такой исторической миссии? Нужна ли ей эта «благородная» роль?

Второе обстоятельство прямо связано с историей России как ядра единого государства, существовавшего до революции, а после - Советского Союза, где каждый гражданин страны считал себя автоматически полноправным гражданином любой его части. Но, в отличие от других народов, русских после развала Союза окрестили оккупантами и узурпаторами демократической власти, якобы возникшей в различных регионах Российской Империи после 1917 г. Отдавая себе отчет в том, что анти-русская истерия является скорее дежурным блюдом местной политической кухни, нежели реальным отражением интересов людей, России целесообразно проводить в этом направлении гибкую, стратегически выверенную политику, которая бы способствовала наращиванию ее демографического, интеллектуального, экономического и иного потенциала.

Особо необходимо отметить, что и в первом, и во втором случае Россия не должна в индивидуальном порядке нести все расходы по обслуживанию миграционных потоков, особенно учитывая то обстоятельство, что выезжающие из нее, как правило, беспрепятственно реализуют здесь свои материальные ресурсы и вывозят значительные ценности. В противовес им желающие выехать в Россию из обнищавших независимых стран нового зарубежья привозят на историческую родину вместо накоп-

ленных долгим трудом ценностей только свое горе и память о пережитых унижениях. Подводя итог сказанному, подчеркнем три основных момента. Во-первых, миграционный потенциал стран нового зарубежья следует оценивать в первую очередь, исходя из численности проживающих в них представителей титульных национальностей России. Во-вторых, прогнозируя реальные объемы миграционного обмена, следует учитывать существующие тенденции миграционных потоков и проводимую в настоящее время Россией политику в этом вопросе и, следовательно, опираться в расчетах на структуру и численность всего населения любой из стран нового зарубежья. В-третьих, поскольку за вычетом русских на долю всех остальных титульных для России национальностей, проживающих в новом зарубежье, приходится 11-12%, то их миграционный потенциал в отдельных странах можно рассчитывать в пропорциях, аналогичных русскому населению, проживающему в этих же странах.

Независимо от различий в подходах, во всех случаях исходными данными для оценки миграционного потенциала населения вообще и русских в частности являются материалы последней переписи населения и сведения текущего учета Госкомстата России о межгосударственной миграции за истекшее после нее время. Согласно переписи, как уже говорилось, за пределами России в СССР проживало 25,3 млн. русских, а вместе с другими российскими национальностями - свыше 28 млн. человек. Судьбы их различны и во многом определяются тем, в каких независимых государствах они оказались. Основная часть русских проживала в Украине (11,3 млн.), Казахстане (6,2 млн.), Узбекистане (1,7 млн.) и Белоруссии (1,3 млн.). Во всей Центральной Азии накануне распада СССР насчитывалось 9,5 млн. русских, в Прибалтике - 1,7 млн., в Закавказье — почти 0,8 млн. человек. Все они, вместе с титульными национальностями союзных республик, были гражданами единого государства. И ни перед кем из них не стояла проблема выбора родины, гражданства, языка общения и т.д.

За прошедшее с 1989 г. время численность русских, проживающих в новом зарубежье, вследствие их миграционного оттока значительно сократилась (табл. 1). За 7 лет Россия получила из Украины, Белоруссии и Молдавии 205 тыс. русских, из Прибалтики - 173,9 тыс., из Закавказья - 326,7 тыс. и из Центральной Азии - 1453,7 тыс. русских. Заметим, что Казахстану принадлежит особая роль в миграционном обмене с Россией. Дело в том, что хотя интенсивность оттока русских из Казахстана не велика, и их численность там уменьшилась всего на 8,2%, масштабы оттока русских из этого государства таковы, что оно занимает первое место в межгосударственной миграции. На его долю в рассматриваемые годы приходилось 30% положительного сальдо миграции русских, что имеет решающее значение для формирования российского общественного мнения относительно того, каково отношение к русским в новом зарубежье.

Данные табл. 1 не могут дать точного представления о том, сколько русских осталось в той или иной стране, так как для получения полных данных необходимо учесть взаимный миграционный обмен русскими между этими странами и эмиграцию русских в старое зарубежье. Они свидетельствуют лишь о том, сколько русских выехало в Россию. Но, вместе с тем, приводимые данные позволяют оценить, сколько русских осталось в целом в новом зарубежье и определить их примерную численность по группам стран.

Вследствие миграционного оттока русских в Россию за 1989-1995 гг. их численность в новом зарубежье должна уменьшиться по состоянию на начало 1996 г. на 2,1-2,2 млн. и составить 23,1-23,2 млн. человек. Кроме мигрантов за последние годы в Россию прибыло большое число беженцев, среди которых русских, по нашей оценке, было от 400 до 500 тыс. человек. Очевидно, что с учетом этой величины численность русских в новом зарубежье должна была к началу 1996 г. сократиться до 22,5-22,7 млн., а в России, соответственно, - увеличиться за счет мигрантов и беженцев на 2,5-2,7 млн. человек. Достоверность этой оценки подтверждается сопоставлением

**Изменение численности русских в странах нового зарубежья
(1989-1995 гг., тыс. человек)**

Государства нового зарубежья	Численность русских по данным переписки 1989 г.	Сальдо миграции русских в Россию за 1989-1995 гг.	Численность русских на начало 1996 г.	
			Тыс. чел	В % к 1989 г.
Белоруссия	1342,1	16,3	1325,1	98,8
Украина	11355,6	151,9	11203,7	98,7
Молдавия	562,1	36,8	525,2	93,4
Латвия	905,5	80,2	825,3	91,1
Казахстан	6227,5	652,6	5575,0	89,5
Эстония	474,8	51,0	423,8	89,3
Литва	344,5	42,7	301,8	87,6
Туркмения	333,9	54,8	279,1	83,6
Узбекистан	1653,5	359,2	1294,3	78,3
Киргизия	916,6	199,5	717,1	78,2
Грузия	341,2	134,1	207,1	60,7
Азербайджан	392,3	164,3	228,0	58,1
Таджикистан	388,5	187,5	200,9	51,7
Армения	51,6	28,3	23,3	45,1

данных микропереписи, проведенной в России в начале 1994 г., с одной стороны, и расчетов численности русских на начало 1994 г., опирающихся на материалы текущего учета естественного и миграционного населения, с другой.

Микроперепись зафиксировала в России на начало 1994 г. 82 950 тыс. русских. По сравнению с 1989 г. прирост составил 1,4 млн. человек или 1,7%, тогда как общая численность населения страны за тот же период возросла менее, чем на 1%, что объясняется оттоком из России других сравнительно многочисленных национальностей (украинцев, белорусов, казахов, евреев) [5, с. 24].

Расчеты, базирующиеся на данных текущего учета, дают ту же величину прироста численности русских на начало 1994 г. Так, в 1989-1993 гг. сальдо миграции русских из нового зарубежья составило 1,2 млн. человек при миграционном приросте всего населения страны в 1,5 млн. Естественный прирост русских за тот же период времени не мог превысить 35 тыс. человек, поскольку естественный прирост всего населения составил 44 тыс. человек при доле русских в населении страны в 0,8. Численность русских беженцев из стран нового зарубежья на начало 1994 г. не выходила за рамки 250-260 тыс. человек. Эмиграция русских в старое зарубежье может быть оценена в 0,1 млн. человек (всего из России в старое зарубежье эмигрировало за 1989-1993 гг. чуть больше 450 тыс. человек, русские же составляли в их числе в 1992 г. 22%, а в 1993 г. - 24%). Численность иммигрантов из старого зарубежья в те годы была невелика — примерно 1,5 тыс. человек. В результате простых арифметических действий, опираясь на приведенные цифры, получаем, что общий прирост русских в России за 1989-1993 гг. составил примерно 1,4 млн. человек.

При всех возможных неточностях микропереписи, при имеющихся недостатках текущего учета миграции и беженцев, оказалось, что цифры совпали. Более того, микроперепись зафиксировала те же тенденции и ту же направленность в динамике титульных национальностей государств нового зарубежья в России, которые были выявлены по данным текущего учета миграций. В частности численность украинцев и казахов уменьшилась, притом по данным микропереписи - в большей мере, чем это показывал миграционный учет; одновременно численность армян возросла, и к тому же, согласно микропереписи, значительно больше, чем демонстрировали показатели текущего миграционного прироста. Все это вполне объяснимо, так как, во-первых,

Распределение русского населения в странах нового зарубежья на уроженцев и мигрантов разных лет населения (по данным переписи населения 1989 г., %) [6, с. 296-299]

Государства нового зарубежья*	Местные уроженцы	Мигранты	Из них прожившие в вселения (лет)			Доля уроженцев и мигрантов, в регионе более 10
			менее	10-20	20 и	
Белоруссия	32,5	67,5	43,6	23,0	33,4	70,6
Эстония	37,0	63,0	33,2	22,7	44,1	79,1
Литва	38,4	61,6	42,7	20,1	37,2	73,7
Латвия	41,6	58,4	34,7	21,0	44,3	79,7
Грузия	41,8	58,2	36,2	17,0	46,8	78,9
Украина	42,3	57,7	35,6	22,4	42,0	79,5
Молдавия	43,3	56,7	37,7	25,3	37,0	78,6
Таджикистан	43,3	56,7	34,6	23,2	42,2	80,4
Киргизия	45,5	54,7	37,4	22,6	40,0	79,5
Казахстан	46,8	53,2	38,4	24,3	37,3	79,6
Туркмения	47,1	52,9	37,0	21,9	41,1	80,4
Узбекистан	48,3	51,7	35,3	23,7	41,0	81,7
Азербайджан	56,4	43,6	32,3	17,3	50,4	85,9

* Сведения по Армении в публикации Статкомитета СНГ отсутствуют.

в России на начало 1994 г. насчитывалось около 40 тыс. беженцев-армян, во-вторых, армяне прибывают в Россию не только из Армении, что показывают следующие цифры: в 1989-1993 гг. из Армении в Россию переселилось 22,1 тыс. армян, тогда как из других государств нового зарубежья - 99,6 тыс. или почти в 5 раз больше.

Итак, численность русских на начало 1996 г. равнялась 22,5-22,7 млн. человек. И, скорее всего, их даже меньше 22,5 млн. Вместе с представителями других титульных народов России в новом зарубежье проживает 25 млн. наших соотечественников. Только с довольно большой натяжкой вся эта совокупность может быть принята в качестве основы для определения миграционного потенциала. Дело в том, что любое население дифференцировано не только по **демографическим** признакам (пол, возраст), но имеет и различные генетические (от «генезис»- происхождение) характеристики (время вселения и продолжительность проживания в данном регионе) и в силу этого обладает различной потенциальной способностью к миграциям. Миграционная подвижность как функция населения всегда латентна, и выявить ее могут только реальные пространственные перемещения людей. Более того, миграционный потенциал, как некая возможность миграционной активности населения, и реализация этого потенциала в конкретных действиях могут довольно разительно отличаться. Если миграционный потенциал определяется скорее структурными характеристиками населения, то степень его реализации зачастую ситуативна и зависит от региональных - в данном случае межгосударственных - различий в условиях жизнедеятельности населения.

Таким образом, чтобы дать оценку миграционного потенциала населения всех титульных российских национальностей, проживающих в странах нового зарубежья, требуется прежде всего учесть специфику его генетической структуры - распределение жителей отдельных национальностей в соответствующих странах на местных уроженцев и мигрантов. Специальная разработка данных переписи 1989 г. по этой характеристике населения представлена в табл. 2.

В генетической структуре населения ряда государств нового зарубежья обнаруживается сходство, причем оно носит региональный характер. Так, больше всего новоселов (лиц, вселившихся в тот или иной регион менее 10 лет назад) оказалось в Бело-

руссии и в Литве, а больше всего старожилов, то есть тех, кто прожил в республике 20 и более лет, в Азербайджане и Грузии. Если оценивать в целом долю бывших мигрантов в населении отдельных стран, то выше других она в Белоруссии и государствах Прибалтики, а ниже всего — в Среднеазиатских странах, Казахстане и Азербайджане. Удельный вес местных уроженцев среди русских выше всего в Азербайджане и Центральной Азии.

Сопоставление доли постоянных жителей¹ среди русского населения и интенсивности его миграционного оттока из стран, в которых господствует христианская и исламская религии - приводят к парадоксальным выводам. Согласно одному из положений теории миграции населения, чем выше среди жителей того или иного района доля постоянных жителей, тем ниже интенсивность миграции населения [7, с. 53—54]. В случае с современным миграционным обменом населением России и стран нового зарубежья взаимосвязь между этими параметрами носит иную направленность. Объясняется это тем, что межгосударственные миграции русского населения совершаются в настоящее время не только в сравнительно нормальных условиях (как, например, при миграционном обмене России с Белоруссией), но и в стрессовых, и обуславливаются порой такими экстремальными факторами, как военные действия, межнациональные конфликты и многими другими, которые характеризуют современную социально-политическую ситуацию в странах Закавказья и, частично, Центральной Азии. Именно поэтому доля новоселов, то есть мигрантов последних лет вселения (проживших менее 10 лет), в славянском и прибалтийском блоках стран нового зарубежья намного выше, чем в государствах Центральной Азии и Закавказья. В последних повышенная доля постоянных жителей свидетельствует о том, что миграционная «селекция», столь интенсивно происходившая в последние годы, началась еще в советское время. Те, кто имел хоть какие-то возможности для выезда из этих стран (родственников в России, возможность получения жилья и работы и т.д.), уже мигрировали на родину. Во многом это те русские, которые прожили в новом зарубежье по несколько лет, и не порвали еще связи с районами выхода. Наоборот, те, кто прожил 15-20 и более лет, адаптировался к культуре и традициям стран вселения, а тем более там родился, освоил язык, установил родственные связи с коренным населением, обустроился, мигрируют лишь в случае, если ситуация становится действительно критической. Это относится в первую очередь к государствам с отличной от российской этнокультурной средой. Для большинства русских, проживающих в этих странах, решающим фактором, наряду с нарушением их прав, становится невозможность восприятия этнокультурных норм этих народов. В прошлом, когда русская культура была доминирующей, не являлось актуальным с точки зрения приживаемости русских вне пределов их исторического расселения усвоение культурных, в том числе и конфессиональных, ценностей тех народов, среди которых они жили. На современном этапе для многих эта необходимость станет доминантой при выборе гражданства, места жительства и т.д.

Таким образом, в современных условиях генетическая структура русского населения в странах выхода перестала детерминировать состав мигрантов и интенсивность миграционного обмена. Решающее, если не исключительное, значение в формировании миграционных потоков и определении соотношений между прямым и обратным их движением приобрели ситуативные этно-политические и социально-экономические факторы как в странах выхода, так и вселения мигрантов, в частности - в России.

Исходя из существующей ситуации, можно утверждать, что в настоящее время ни в государствах Прибалтики, ни в Украине, ни, тем более, в Белоруссии нет сколь-нибудь значимых условий для реализации миграционного потенциала русских. Мигра-

---

¹ Под постоянными жителями понимаются местные уроженцы и старожилы (прожившие более 10 лет). Очевидно, что для стран нового зарубежья данное понятие — всего лишь абстракция.

ционный обмен населением с этими странами сократится и будет носить вполне «естественный» характер. Иное дело - государства Центральной Азии и Закавказья (исключение Армения, в которой русских практически не осталось), где все русское население с точки зрения «миграционной» перспективы может быть разделено на три части.

Во-первых, часть русского населения - преимущественно местные уроженцы - имеет достаточно глубокие корни в местах постоянного проживания, родственные связи с коренным населением, адаптировалась к местным условиям, культуре, традициям, обычаям. Для них требуется время для полной натурализации, главным образом - для полноценного овладения языком титульного народа. Это может занять не один десяток лет. Нельзя не учитывать, что и многие представители титульных национальностей, особенно молодежь, плохо владеют родным языком. Поэтому, чтобы исключить межэтнические конфликты, государства Центральной Азии и Закавказья должны создать условия, исключаящие какую-либо дискриминацию в отношении пришлого населения.

К сожалению, сегодня в ряде стран такие условия отсутствуют. Так, детальное исследование правовых актов, принятых в последние годы в некоторых из стран нового зарубежья, проведенное под руководством И.Б. Орловой, показало, что в них не только допущен ряд принципиальных нарушений основных прав человека, но, более того, на государственном уровне закреплена фактическая дискриминация некоренного населения [8, с. 27]. В частности, в Туркмении и Молдавии, согласно положениям Конституций этих государств, президентом может стать только лицо титульной национальности. Нормой для стран Центральной Азии стало повсеместное вытеснение некоренного населения с руководящих должностей. В качестве примера можно привести Казахстан, где с 1989 по 1994 гг. доля представителей не титульной национальности в руководстве органов законодательной и исполнительной власти областного уровня сократилась с 50 до 25% [9, с. 18]. В отдельных странах этого региона существуют ограничения как в приобретении собственности, так и в ее ликвидации (например, при продаже жилья мигрантами); законодательно закреплена языковая дискриминация и т.д. Без устранения этой дискриминации некоренных жителей и на нормативном, и на бытовом уровне трудно рассчитывать на скорую и безболезненную натурализацию русскоязычного населения в тех странах, в которых они оказались после утраты ими единого советского гражданства, превратившись из «старшего» брата в национальное меньшинство.

Во-вторых, часть, и притом достаточно большую, составляют те, кто готов немедленно выехать в Россию при наличии необходимых условий. Именно из этой категории населения формируются те миграционные потоки, в составе которых значительная часть приходится на лиц, покидающих страны нового зарубежья из-за обострения межнациональных отношений. То, что этно-политический фактор является причиной роста интенсивности оттока русских из стран нового зарубежья, в первую очередь - из Закавказья и Средней Азии, стало ясно из анализа результатов единовременного обследования, проведенного Госкомстатом РФ в конце 1991 г. По данным обследования, на тот момент среди причин миграции на межэтнические конфликты как причину выезда указали ([10, с. 40-41], %):

в Азербайджане, Таджикистане и Грузии	- от 60 до 70
в Узбекистане, Армении и Литве	- от 50 до 60
в Латвии, Эстонии и Киргизии	- от 40 до 50
в Молдавии и Туркмении	- от 20 до 40
в Казахстане	- 17,2
в Украине	- 4,3
в Белоруссии	- 2,0

В те годы регионами, где межэтнические конфликты носили наиболее выраженный характер, были Закавказье, Средняя Азия и Прибалтика. В дальнейшем, как известно, роль этой причины в детерминации миграционных процессов менялась, и в настоящее время она сохранила свое влияние лишь на миграционное поведение русских в странах Закавказья и Центральной Азии, о чем свидетельствуют показатели интенсивности и результативности их миграционного оттока.

Для решения миграционных проблем той части населения, у которой установки на миграцию не ослабевают и реализуются каждый раз, как только ситуация в этнополитической сфере обостряется, необходимо осуществление ряда мер, в том числе беспрепятственное предоставление им российского гражданства. Необходимо заключение двусторонних договоров, в которых должно предусматриваться следующее: экономическая компенсация потерь жилья и т.п., организационная и материальная помощь для возвращения в Россию. Подчеркнем, что в самой России пока соответствующей государственным интересам политики в этой сфере нет.

В-третьих, у значительной части русского населения определенных миграционных установок вообще нет. Они выжидают изменения ситуации в странах Центральной Азии и Закавказья: если она будет улучшаться, они пополнят первую группу. Это подтверждают, в частности, данные исследования, проведенного в конце 1994 г. казахскими социологами: 48,6% потенциальных мигрантов изменили бы свое решение о выезде из страны в случае улучшения экономической ситуации [9, с. 20]. Но возможны и другие сценарии. Один из них демонстрирует пример Таджикистана. Поэтому, несмотря на непомерные издержки и материальные потери (невозможность продажи жилья и иной собственности по коммерческим ценам), на отсутствие минимально необходимых для жизни условий в местах возможного вселения, люди будут все равно стремиться покинуть такие регионы с тем, чтобы сохранить главную ценность - жизнь.

Совершенно ясно, что политическая нестабильность, худшие в сравнении с Россией экономические условия, вспышки межнациональных конфликтов, бытовой национализм и т.п. - все это неизбежно в течение многих лет будет осложнять ситуацию в странах Центральной Азии и Закавказья, а возможно - и в других, наносить ущерб их экономическим интересам, поскольку миграционный контингент будет формироваться в основном из специалистов и высококвалифицированных промышленных рабочих различного профиля.

Для этой третьей группы населения целесообразно на двусторонней договорной основе установить переходный период на 5-10 лет, предоставив им право получения двойного гражданства без дополнительных условий и ограничений. В этом случае при благоприятном развитии ситуации значительная часть этих людей пополнит первую группу.

Соотношения между этими тремя частями характеризуют материалы специальных обследований. По данным Центра демографии ИСПИ РАН в Таджикистане (1991 г.) 40% собирались уехать, 20% хотели бы остаться, 40% не имели четких миграционных установок. В Киргизии эти цифры соответственно таковы: 20, 50 и 30%. Проведенное в этом же году обследование ВЦИОМ выявило следующее соотношение между теми, кто собирался уехать, остаться и не решившими для себя эту проблему: по Узбекистану - 25, 35 и 40%; по Киргизии - 24, 33 и 43%; по Таджикистану - 36, 23 и 41%; по Туркмении - 28, 32 и 40% [11, с. 136]. Нельзя не заметить близости полученных в обоих случаях оценок. Наконец, в 1992 г. лабораторией миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН был проведен аналогичный опрос, показавший рост первой и уменьшение второй группы: по Узбекистану соответствующие цифры составили 43 и 18%, по Киргизии - 36 и 25%, по Таджикистану - 66 и 6% [11, с. 136]; Заметим, что дело здесь не в точности цифр, а в их размерности и тенденциях. Для сравнения укажем, что в том же 1992 г. доля решивших мигрировать из числа

обследованных в Центральной Украине и в Литве составляла 9-10%, в Латвии и Западной Украине- 18-20%.

Понятно, что прожективное и реальное поведение- не одно и то же. Так, в нормальных условиях установки на миграцию реализуются не более, чем на половину. В экстремальных условиях соотношение между прожективным и реальным поведением иное. Его адекватную оценку могут дать только специальные исследования. Ясно, тем не менее, что доля желающих уехать будет меняться в зависимости от изменения социально-политической ситуации в государствах нового зарубежья, от того, какие факторы миграции будут становиться доминирующими. Примеры, подтверждающие это положение, можно найти в Киргизии и Таджикистане. В Киргизии в период наибольшего накала национального самоутверждения основной причиной миграции русскоязычного населения было ущемление прав некоренного населения. Обследованием Госкомстата Киргизии эта причина была выявлена в качестве основной. Но уже к середине 90-х годов, когда было осознано, что выезд русскоязычного населения - это потеря квалифицированных кадров рабочих и специалистов, с чем сопряжены неукомплектованность рабочих мест, а стало быть сокращение объемов производства и уменьшение возможностей профессиональной подготовки кадров из коренных жителей, отношение к пришлому населению стало меняться. Обследованием, проведенным в Ошской области в 1995 г., было установлено, что основной причиной русскоязычной миграции выступает низкая оплата труда, т.е. экономический фактор. Такая причина как дискриминация была отодвинута на второе место [12, с. 108].

Из анализа сказанного напрашивается по сути один вывод. Если государства Центральной Азии, Закавказья и Россия совместными усилиями цивилизованно не будут решать проблемы миграционного обмена, в том числе оттока русских и трудовой миграции титульных национальностей стран этого региона, то напряженность и потенциальная возможность конфликтов различной тяжести будет сохраняться, а возможно и нарастать. Нельзя исключить, что отношение к массовым трудовым миграциям представителей титульных национальностей этих стран в Россию в будущем во многом может определяться сегодняшним отношением к русскому населению в этих странах. Но вне зависимости от проводимой сегодня политики в отношении русского населения в странах Закавказья, Центральной Азии и других, где дискриминационные меры в различных областях жизни продолжают нарушать права братских в недавнем прошлом народов, оказавшихся вне своей исторической родины, Россия должна без каких-либо условий открыть двери для соотечественников, уважая их право выбора: вернуться на родину или обрести - уже окончательно - другое отечество. Такую позицию занимали в разное время и другие страны: послевоенная Германия, принявшая немцев из восточных стран; деголлевская Франция, вывезшая из Алжира всех французов, пожелавших вернуться, и столкнувшаяся при этом с массой внутривосточных (социальных и экономических) проблем, и т.д. К сожалению, понимания исторического долга России перед своими соотечественниками в настоящее время нет в общественном сознании. О таком понимании со стороны властных структур и, тем более, об их реальных шагах в этой области говорить не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаковский Л. Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую политику, М: ИСПИ РАН, 1996.
2. Миграционные процессы после распада СССР. М.: ИНХП РАН. 1994.
3. Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. М.: ИНХП РАН, 1994.
4. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. М., 1990.

5. Российский статистический ежегодник. М, 1995.
6. Демографический ежегодник СНГ. М: Статкомитет СНГ. 1991.
7. Рыбаков *Л. Л.* Региональный анализ миграций. М., 1973.
8. Современные миграционные процессы в России. М: ИСПИ РАН, 1994.
9. Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996.
10. Численность и социально-демографические характеристики русских в республиках бывшего СССР. М., 1994.
11. Население России. М., 1994.
12. *Эргешбаев УЖ.* Миграционное поведение населения Кыргызстана, его особенности и регуляторы. Дис. на соиск. ученой степени канд. экон. наук. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 108.